

УДК 341.3:341.231.14 (100)

**Сорока А.Б.,**

кандидат юридических наук, доцент,  
Донецкая академия внутренних дел  
Министерства внутренних дел  
Донецкой Народной Республики

**Soroka A.B.,**

*Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,  
Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry  
of Internal Affairs of Donetsk People's Republic*

### **ПРАВО ВОЙНЫ И ПРАВО НА ВОЙНУ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

В статье рассматриваются вопросы международно-правовой регламентации спорных ситуаций между государствами, которые могут привести к вооруженному противостоянию, анализируются исторические предпосылки возникновения и развития *jus in bello* и *jus ad bellum*, исследуются проблемы установления постконфликтных отношений и формирования современного *jus post bellum*.

**Ключевые слова:** право международной безопасности, международное гуманитарное право, методы правового регулирования, *jus in bello*, *jus ad bellum*, *jus post bellum*.

### **THE RIGHT OF WAR AND RIGHT FOR WAR: THEORY AND PRACTICE**

*The article considers questions of international legal regulation of controversial situations between states which can lead to armed confrontation, historical background and development of jus in bello and jus ad bellum are analysed, problems of post conflict relations making and modern just post bellum formation are under the study.*

**Key words:** international security Law, international humanitarian Law, methods of legal regulations, *jus in bello*, *jus ad bellum*, *jus post bellum*.

**Постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями.** Международное право как особая отрасль права обладает специфическим набором методов правового регулирования. Их можно рассматривать с разных позиций. Но фактическое состояние мировой политики и глобальные проблемы XXI столетия доказывают их бесспорную несостоятельность. Особую остроту вопрос о методах международно-правового регулирования приобретает в условиях изменения политической полярности мира, перераспределения сфер влияния, энергетического кризиса и связанной с этим эскалации многих вооруженных конфликтов. Лимит терпения многих стран исчерпан: страны «второго» и «третьего» мира в настоящий момент имеют достаточно ресурсов, чтобы дать отпор диктуемым США и в целом странами НАТО взглядам на мир (на «мир по-американски»). Наличие ядерного оружия у государств, не внесенных в «разрешенный» список МАГАТЭ, говорит о многом, но прежде всего о нивелировании значения универсальных механизмов правового регулирования международного права. Можно смело констатировать ценностный обвал существовавших институтов сдерживания тотальной экспансии сфер влияния США и, как результат, неминуемую военную эскалацию в этой связи. Очередная мировая война уже развязана, но она еще находится только в информационном и дипломатическом поле, и от того, как дальше мир поведет себя, зависит, состоится ли наше будущее.

Главным аргументом исторической эволюции международного права всегда была война. Антагонизм этого аргумента диссонансно отразился на характере международно-правовых институтов, регламентирующих вопросы возникновения и ведения вооруженных конфликтов различной локации. Сущность этих институтов заложена прежде всего в категориях международного гуманитарного права и права международной безопасности. Понятийные аппараты этих подотраслей международного права были сформированы под влиянием историко-объективных факторов и отражают современную модель международных отношений, где война остается правовой реальностью.

**Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор.** Рассмотрению ситуаций, связанных с применением вооруженной силы, посвящено немало трудов отечественных и зарубежных ученых. Но все они носят дифференцированный характер, многие написаны на пике определенной политической обстановки и поэтому лишены отстраненного от политики, чистого научного анализа. В XIX-XX веках сформировался ряд концепций относительно категорий *jus in bello* и *jus ad bellum* в современном международном гуманитарном праве. Они нашли отображение в работах таких выдающихся ученых, как Ф. Бюньон, Э. Деко, Г.-П. Гассер, Дж. Бест, Э. Давид, Ф. Мартенс, Ж. Пикте и др.

**Нерешенные ранее части общей проблемы, которым посвящается обозначенная статья.** Проблематика политизирования причин развязывания вооруженных конфликтов и хода их ведения, изменение международно-правовых ценностных категорий, нивелирование значения ряда норм Устава ООН и международного права в целом наложили свой отпечаток на интерпретацию и международно-правовую квалификацию конкретных действий субъектов международно-правовых отношений. Современные формы реализации и дифференциации институтов права международной безопасности, права войны, права на войну, постконфликтного права мало изучены, четкие границы их правоприменительного поля вовсе отсутствуют.

**Формулировка целей статьи:**

*исследовать* исторически обусловленную взаимосвязь между отдельными отраслями международного права, регулирующими вопросы применения силы или угрозы силой;

*охарактеризовать* правовые границы действия норм *jus ad bellum*, *jus in bello*, *jus post bellum* и права международной безопасности;

предложить собственный взгляд на систему норм международного права, действующих в условиях кризисных ситуаций.

**Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов.** С древнейших времен западные традиции стремились поместить войну в правовое поле: придать ей лоск и налет цивилизованности. Еще в своем трактате «О праве войны и мира» Г. Гроций задавался вопросом: может ли война быть справедливой? На наш взгляд, заблудившись в диалектике естественного и волеизъявляемого, он так и не пришел к однозначному ответу. Хроника появления норм, регламентирующих поведение участников конфликтов, свидетельствует о попытке установить некие границы войны – не только гуманистические, но и конформистские. Войну пытались очеловечить для сохранения уже захваченного, построенного, признанного и – что самое страшное – для сохранения насилия как способа решения проблем, возникающих на разных уровнях бытности цивилизации. Так одновременно появлялись новые виды вооружения массового поражения, причиняющие излишние страдания, делающие смерть неизбежной, и правила, ограничивающие его применение в ходе вооруженных конфликтов. Вследствие такой нормативной деятельности в XIX столетии появился свод неких правил поведения, которые должны были действовать

«с первого выстрела». С этого момента начинается «запутанная» история осмысления человечеством своего сначала «величайшего достижения» в попытках ограничить свою жестокость, а позже – разочарования от полного провала этих попыток. Гуманность не выдержала экономического натиска и уступила место правовому формализму. Какими же категориями оперирует право, регламентирующее ведение войны? Как они трансформируются во времени? Э. Давид, автор книги «Принципы права вооруженных конфликтов», которая была награждена Премией Мира (Фонда Освенцима и Центра Мира города Антверпена), пишет о том, что нельзя изучать это право, пользоваться им, игнорируя отвратительную реальность, которая за ним стоит: «фактически право вооруженных конфликтов – это право посягать на самое главное, что есть у человека: на его свободу, физическую неприкосновенность и жизнь, ... ограничиваться рамками абстрактных норм, отказываясь видеть то, что они подразумевают, жонглировать понятиями, в которых индивид сведен к правовой категории, а физические страдания или смерть живого думающего существа рассматриваются как «нормальные» последствия юридически определенной ситуации» [1, с. 32]. Ученый настаивает на том, что даже «чистая» и ведущаяся с соблюдением юридических требований война все равно остается «грязной» в абсолютном смысле. Обладая специфическим объектом правового регулирования, данная подотрасль международного права получала разнообразные дефиниции в определенные исторические периоды. Кроме того, формально-политизированный подход к ведению вооруженных действий создал предпосылки правовой деунификации всех стадий этого явления. Так появились законы и обычаи ведения войны, право на справедливую войну, право войны, право на войну, право вооруженных конфликтов, право жертв войны, право Женевы, право Гааги, международное гуманитарное право, послевоенное право.

Сегодня наиболее часто употребляемым понятием является понятие международного гуманитарного права. Но и оно оценивается неоднозначно, сохраняя четкие временные, территориальные и юридические границы. Для более точного понимания этих границ необходимо рассмотреть детально некоторые аспекты ведения вооруженных конфликтов (как международного, так и немеждународного характера).

Историческая действительность всегда пыталась примирить силу и право, понятия *Sein* и *Sollen* (пер. с нем. «как есть» и «как должно быть»), подчинить последнее первому или, наоборот, ограничить силу правом. С этой позиции война рассматривалась как справедливый ответ на неспровоцированную агрессию, то есть в качестве крайних мер для *consecutio juris* (восстановления нарушенного права) или наказания преступника [2, с. 109]. Объективными причинами ведения справедливых войн могли стать четыре факта: самооборона, возврат имущества, взыскание долгов и наказание. Справедливая война была в рамках закона. Так появилась доктрина *bellum justum* (пер. с лат. «справедливая война»), которая мотивированно оправдывала объявление войны и в то же время делала ее неуправляемой. С позиции *bellum justum* тот, кто начал войну «законно», мог вести себя по отношению к противнику «незаконно». Никаких ограничений не существовало, права и обязанности воюющих сторон были неравны и зависели исключительно от объективной справедливости причин, которые служили поводом для конфликта [2, с. 457; 3, с. 113]. Но с развитием политико-правовых явлений и их гносеологическим анализом доктрина справедливой войны трансформировалась: государства начинают использовать войну для защиты интересов национальной политики в качестве дискреционных полномочий. Наступила одиозная эпоха *raison d'Etat* (пер. с фр. «национальные интересы»), и XIX век стал веком победы государственных приоритетов и конца доктрины *bellum justum*: война стала рассматриваться де-факто как нравственно нейтральная ситуация [3, с. 117]. Освобождая конфликт от «субъективной

заинтересованности», встал вопрос о правах и обязанностях воюющих сторон *durante bello* (пер. с лат. «во время войны») [2, с. 599; 3, с. 117]. Эта новая система взглядов становится зеркальным отражением доктрины *bellum justum*. Война обретала политические и территориальные границы. Причины войны стали индифферентны, и вооруженное насилие стало рассматриваться прежде всего как процесс, который необходимо регулировать независимо от его мотивов и целей [2, с. 599]. Это был момент зарождения *jus in bello* (пер. с лат. «право войны»). Начало процесса выявления различий между законными основаниями для обращения к войне как инструменту решения спора и справедливыми ограничениями в правилах и обычаях войны, которое начал развивать Франсиско де Витория [2, с. 171], продолжил Г. Вольф. Он первым рассмотрел права и обязанности *durante bello* как независимые от причин войны категории, но окончательно их сформулировал Эмер де Ваттель, включив в право народов (современное международное право) ряд правил, устанавливающих правовые ограничения на средства ведения войны [2, с. 609; 3, с. 119]. Наконец, И. Кант четко сформулировал разграничение между *Recht Zum Krieg* и *Recht im Kriege* (пер. с нем. «право на войну» и «право во время войны»). Но юридически закреплённого различия между *jus ad bellum* и *jus in bello* пока еще не было. Объяснялось это отсутствием какой-либо потребности в формулировании концептуального различия между этими двумя отраслями права. Дело в том, что по причинам, которые были разными по характеру, но идентичными по своему действию, мир больше не нуждался в правовом оправдании развязывания войны (*jus ad bellum*). Будучи одной из абсолютных и дискреционных полномочий носителя власти, она рассматривалась как краеугольный камень правовых норм, связанных с разрешением конфликтов, их логической первопричиной, и, следовательно, фактически оставалась слепой догмой. Юридические усилия были сосредоточены исключительно на формальностях, которые должны соблюдаться при инициировании военных действий, а также на соответствующих правах и обязанностях воюющих сторон, то есть на вопросах, вытекающих из субъективного права обращения к войне. Тем не менее термин *jus in bello* тоже все еще не используется. Объяснением этому служило отсутствие правового интереса к причинам войны, ее способу ведения, судьбе жертв конфликта и его последствиям. Все изменилось с появлением первых межправительственных организаций. Лига Наций предприняла попытку рассматривать *jus in bello* и *jus ad bellum* на равных основаниях, объявив войну вне закона [4, с. 76]. Абсолютное полномочие власти прошлых времен прибегать к войне было заменено нормами *jus contra bellum* (пер. с лат. «право против войны»). С этого момента факт применения силы или угрозы силой стал рассматриваться как деяние, противоположное закону *in bello*. Таким образом, теоретическое различие между правом войны и правом на войну закрепилось юридически, но развитие этих отраслей только начиналось.

Европейская политическая система и стандарты менялись, но общая для всех европейских стран культура осталась неизменной. Культура элит, которые управляли государствами Европы, поддерживала соответствующие социальные стандарты: благодаря их представлениям о чести и достоинстве появлялась способность к взаимному признанию, которое умеряло естественную силу национальных и региональных притязаний. Постепенно содержание *jus in bello* и *jus ad bellum* стало приобретать юридические границы, находя свое отражение в позитивном праве. Вместе с тем практика применения этих норм показала, что четкая регламентация вооруженных конфликтов невозможна. Возник вопрос о границах их действия во времени и пространстве. И этот вопрос является актуальным и сегодня.

Существует ли *jus ad bellum* в современном международном праве? Ответ однозначен – да. В сложном сплетении запретов Устава ООН, Пакта Бриана-Келлога,

принципов международного права, права Гааги и Женевы изначально заложен дуалистический превентивный механизм действия права международной безопасности: сегодня запрещаем войну, а завтра создаем нормы, регулирующие то, что сами запретили. Кроме того, спорными по своему содержанию являются глава VII и статья 51 Устава ООН. Как их классифицировать: это механизмы права международной безопасности или *jus ad bellum*? И как квалифицировать современные концепции гуманитарных интервенций, превентивной самообороны, ответственности по защите и двойных стандартов в отношении норм *erga omnes* (пер. с лат. «относительно всех»)? Практика фактических вооруженных конфликтов последнего времени говорит о том, что границы каких-либо вооруженных действий завуалированы и политизированы, окрашены стойкой позицией однополярного мира. Всегда ли можно назвать право на самооборону справедливой войной: *jus ad bellum* как «законное» обоснование присутствия иностранных вооруженных сил на территории суверенного государства – фактическим правом вести войну? Теория международного права не дает нам сегодня ответа на этот вопрос. Она склонна отождествлять эти концепции под знаменем защиты прав и свобод человека, гражданина, причем любого государства, но грани этих концепций четко видны. Право международной безопасности – это блок международных норм, направленных на мирное разрешение международных споров. Он работает в сфере предотвращения вооруженных конфликтов, выяснения и устранения причин споров и спорных ситуаций, возникающих между государствами. Но эта отрасль международного права абсолютно не обосновывает какой-либо возможности для начала вооруженных действий. Возникает вопрос: к чему относятся статья 51 Устава ООН и доктрина НАТО, оправдывающая вооруженную «гуманитарную» интервенцию? Склонны считать, что это и есть современное *jus ad bellum*: справедливое или гуманное, политизированное или лицемерное – это тема другой дискуссии, но именно оно предусматривает конкретные условия и ситуации, при которых страны могут браться за оружие. Что касается современного *jus in bello*, точкой отсчета которого определен первый выстрел, то одним из его достижений является направление вооруженного насилия в правовое русло и регламентация отношений между различными субъектами (вооруженными силами, гражданскими лицами, свергнутым правительством и т.д.) в условиях вооруженного конфликта.

Итак, можем констатировать множество пробелов в международной юриспруденции, связанных с правовым регулированием вооруженных конфликтов: их началом и оправданием, их ведением и постконфликтной ответственностью. Классические концепции *jus ad bellum*, *jus in bello* не дают полной картины военной реальности. Право международной безопасности, по факту, в ситуации уже развязанной войны проиграло, и на поверхность всплывает еще одна острая проблема: правовое регулирование постконфликтного мира – *jus post bellum*. В современном мире существует много вариантов окончания вооруженных конфликтов, так как слишком политизированы цели и задачи войн XXI века. В напряженной ситуации сегодня победителю необходимо сохранить «красивое», правильно обоснованное юридически, лицо.

**Выводы по исследованию и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.** Подводя итог, следует отметить размытые правовые границы действия всех норм международного права, регламентирующих ситуации, связанные с межгосударственными спорами, последствиями которых могут стать вооруженные конфликты. На наш взгляд, нельзя объединять все стадии этого процесса в одну конкретную правовую сферу – будь-то международное гуманитарное право или право вооруженных конфликтов. Исторические разграничения *jus ad bellum*, *jus in bello*, *jus post bellum* дают шанс учитывать более широкий аспект проблем, связанных с ведением

войны. Особенно это касается вооруженных конфликтов немеждународного характера и вопроса миротворчества. Кроме того, неоспоримым условием эффективности всех методов международно-правового регулирования является примат права, который в международных отношениях означает установление такого единого правопорядка во всем мире, который бы предоставлял каждому суверенному государству свободу действий в рамках общепризнанных юридических принципов и норм. Выполнение этого условия, невзирая ни на какие обстоятельства, экономические преимущества и ожидаемые результаты, может стать залогом успеха в развитии международных отношений и сохранения мира на Земле.

### Список использованной литературы

1. Давид, Э. Принципы права вооруженных конфликтов [Текст] / Э. Давид. – Н.: Международный комитет Красного Креста, 2000. – 720 с.
2. Haggemacher, P. Grotius et la doctrine de la guerre juste [Текст] / P. Haggemacher. – Genève Paris: Les Presses Universitaires de France, 1983. – 682 p.
3. Haggemacher, P. Mutations du concept de «guerre juste» de Grotius à Kant [Текст] / P. Haggemacher // Cahiers de philosophie politique et juridique de l'Université de Caen. – Caen. – № 10(1986). – P. 107-125.
4. Wright, Q. The Outlawry of War [Текст] / Q. Wright // The American Journal of International Law (AJIL). – 1925. – Vol. 19(1). – P. 76-103.

*Статья поступила в редакционную коллегию 09.10.2017*